

НОЧЬ СВЕТЛА

Бабка Саня Титова, прозываемая в деревне Горошиной, в длинном до колен пиджаке, красных шароварах, заправленных в большущие резиновые сапоги, держась за стожар, уминала в недомётанном стогу сено. Стоговала она одна с помощью приставной лестницы, поэтому, увидев Мишку Новосёлова, вышедшего с топором из леса, обрадовалась.

– Ну-ко, ты, Мишка, окидай мне сюды две остатние копёшки, – сказала она воодушевляясь.

Мишка не стал возражать. Играючи молодой силой, он в два приёма перекидал наверх сено, и бабка быстро завершила стог.

– Ну, ты и стриптизёрша, бабка Саня! – одобрительно сказал Мишка.

Но бабка не отреагировала.

Почти сразу же тёмная туча накрыла пожню, и на землю обрушился весёлый летний ливень с далёкими раскатами грома.

– Ой, Мишка, вот спасибо тебе, а то не успеть бы. Сгноила бы сено, – радовалась бабка Саня, увлекая Мишку в шалаш, устроенный под старой разлапистой ёлкой.

В шалаше было сухо, пахло сеном и еловой смолой. Здесь бабка Саня отдыхала от трудов и залоговала. На охапке сена лежала белая наволочка, из которой Санька-Горошина извлекла две присолённые скипы хлеба и остатчик водки в заткнутой газетой «Красный Север» бутылке.

– Ты как Ленин в разливе, – похвалил её Мишка, устраиваясь на сене.

– Топере я правик, – отвечала довольно бабка Саня. – Топерея я с сеном. На-ко, Мишка, похмельись, – добавила она угодливо, подавая Новосёлову остатчик.

Мишка опять не стал возражать, опрокинул остатчик из горла в горло и понюхал протянутый бабкой хлеб.

Дождь уже стеною нависал над входом в шалаш. После выпивки мир для Мишки стал уютным и многообещающим. Обоих потянуло на разговор.

– Так чего ты там, Михайло Ворфоломеевич, говорил-то на пожне? – вспомнила бабка Саня, жуя с аппетитом хлебную скипу.

– А говорил: мол, на стриптизёршу похожа.

– Это как, Мишка?

– Да это в городе по ресторанам девки такие вокруг шеста крутятся на потеху...

– Танцуют что ли?

– Радеваются.

– Разоболокаются? А на что?

– На что, на что? Старая ты, бабка. Ни к чему тебе это...

– Нет, уж ты скажи...

– Да вот говорят, есть по городам такие места, где девки голые вокруг шестов крутятся, а мужики им за это деньги кидают...

Бабка Саня примолкла, видимо, пытаюсь поставить себя на место этих девок, которые зарабатывают деньги не работая, а только раздеваясь у шеста...

Но Мишка уже сменил тему.

– Голосовала на выборах нынче за кого, спрашиваю?

Бабка Саня насторожилась и отвечала уклончиво.

– Да какие нынче, Мишенька, выбора? Вот раньше были выбора, так выбора. Как навезут в магазин товару всякого. Пойдём мы с бабами голосовать да накупим пряников глазурированных да резиновых сапогов... А топеря уж и магазина нет. Вот бы то время вернуть, хоть на недельку, – вздохнула бабка Саня.

– Я бы тоже не отказался денёк-другой в вашем времени погостить. Пару фуфаек купил бы по старой цене...

– Что говорить, прежде товар был – не чета нынешнему. Вон у меня клеёнка на столе ещё при товарище Сталине брала, а всё как новая.

Мишка посмотрел на бабку Саню с сомнением.

– Так ведь Сталин-то, сказывают, тиран был... Да и в отношении Ленина большие сомнения, – сказал Мишка. – Ты-то больше знаешь. Пожила...

– Верно, Мишка, знаю. Всё на моих глазах проходило, – согласилась Санька-Горошина. Единственный, уцелевший на лесоповале глаз её идейно осветился. – Тятя мой тоже на партийного учился, правда, на большое правление не попал, до сельсовета только и дослужился: мироедов кулачил. Вот от него я политграмоту и знаю. Самый главной, Мишка, у них там Карс Марс был. Бородища экая густущая, чернущая. У него две дочки, сказывали, были. Одну Женей звали, а вторую не помню... Уж не Танька ли?

– Я, бабка Саня, в истории не силён, – отвечал Мишка.

– Вот я тебе и говорю, слушай, коли так. У этого Карса Марса и обучались за границей Владимир Ильич Ленин с Осипом Виссарионовичем. Вот они оба два и вышли на большое правление. Уж не про одного ничего плохого не скажу.

Мишка, лежа на сене, прислушиваясь к выпитому и рассказываемому одновременно, млел.

– Ленин, скажу тебе, Мишка, тот болел шибко, дак последние два года страной руководил с койки.

– Как это так, с койки? – снова больше для поддержания разговора усомнился Мишка.

– А вот так. Лежа.

– А Сталин чего?

– А Осип Виссарионович представительный был мужчина. С усами... Он умственно правил безо всяких там министров и секретарей... Единолично. Ему только Каганович помогал да Ворошилов... И всю-то жизнь он с врагами да шпионами боролся. И Берий был шпион. Окружил, слышишь, Кремль. Хотел Сталина изничтожить. А Сталин вышел на крыльцо и говорит солдатам: «А взять этого врага народа!» Вот Берию и взяли...

– Это я видал по телику, – согласился Мишка.

– А Сталин был друг, учитель и вожжь народа. А топеря вожжей нет, вот и нету управления...

Бабка Саня замолчала. Молчал и Мишка, думая о чём-то своём.

Наконец Мишка очнулся.

– Так ты за кого нонче-то голосовала?

– За кого, за кого, – отвечала раздражённо бабка Саня. – За его лешего, сотону. Знала ведь, что омманет. Вот и омманул.

Опять помолчали.

– Автобус не ходит уж который месяц, магазин закрыли. Куда жаловаться идти, Миша?

– Бесплезняк! – махнул Мишка рукой.

– Нет, в райком надо идти. Это не порядок, – не согласилась бабка Саня.

– Нету, бабка Саня, теперь райкома, ликвидировали давно.

– Тогда в райисполком, – не сдавалась она.

– И райисполкома нету. Тоже ликвидировали.

– Тогда в леспромхоз пойдём. Автобус-то леспромхозовский был.

– Ну, ты даёшь, баушка. Про Сталина всё знаешь, а что леспромхоза нет, не знаешь. Продали леспромхоз в Швецию вместе с нашим автобусом. И вместе с тобой.

– Как это со мной? – возмутилась бабка Саня.

– А так. И с тобой, и со мной. Не ты ли в клубе голосовала?

– Да, все голосовали, как сказано было.

– Ну, я и говорю. И ты, и я теперь акционеры общества «Викинг хворост лимитет...»

Пионеры?

– Тьфу, ты, глухая тетеря, – заругался Мишка.

– А ты, Михаил Ворфоломеевич, не слыхал в районе: думают ли там наверху совецку власть восстанавливать либо не стоит и дожидаться. При демократии будем помирать?

– А ты что, за совецкую власть? – удивился Мишка. – А чего голосовала супротив?

– А словно, Миша, омморок какой напал. Вот и проголосовала. А по-хорошему-то, гнать надо всех этих политиков поганой метлой. И идти по пути, который завещали наши учителя и вожжи: Карс Марс и Финдрик Энгельс, – подытожила бабка.

Мишка посмотрел на неё уважительно.

– А вот ты мне скажи, Ивановна, – заговорил доверительно Мишка. – Ты про теорию Дарвина слыхала: что человек от обизьяны произошёл... А теперь под сомнение и Дарвина поставили. Ты-то как думаешь?

Мишкин вопрос нисколько не смутил бабку Саню. Она строго глянула на Мишку единственным уцелевшим на лесоповале глазом.

– А я так думаю, Михайло Варфоломеевич. Это дело надо было ещё нашим советским учёным решить. Вот, скажем, Сахарову. Какой большой учёной был: водородну бомбу сладил. А здесь недоглядел. Вот ему Сахарову и надо было взять простого советского целовека и осеменить облизьяну...

– Ну, ты экспериментатор! – захохотал Мишка. – Эко, куда загнула. Облизьяну осеменить... Это ж кто согласится?

– Дурак. Осеменить искусственно, я говорю, Мишка. Взять сима и осеменить.

– Ну, ежели только сима, – согласился Мишка.

– И посмотреть: получится чего либо ничего не получится. А ужели получится, то посмотреть, какое у него будет обличье. То ли облизьянье, то ли человечье? Тогда может и откроется загадка...

– А ты-то сама как думаешь? Откуда произошли все мы, человеки? Если не от облизьяны? – спросил Мишка, напряжённо морща лоб.

– Я вот чего кумекаю, Михаил Варфоломеевич. Вот скажем, мы, труженики. Мы произошли из земли. Из земного праха. А вот поэты всякие, генералы, начальство большое – эти, может, произошли от Адамы и Ева... А вот Васька Гусаков, хермер-то наш. Этот от кого? А вот брокеты, письдесмены и хермеры разные, воры да жульё – эти точно от облизьяны... – Бабка Саня подумала. – И ещё эти самые... Как ты сказал?

Стриптизёрши...

– И стриптизёрши, Мишка, твои, тоже от облизьяны...

Бабкина теория настолько поразила Мишку, что у него отвалилась челюсть. И бабка Саня, довольная произведённым эффектом, мелконько засмеялась. Но Мишка, увлечённый столь стройной теорией происхождения человека, не унимался. От кого ????? произошёл?

– Этот-то? Мало, что от облизьяны, так он ещё, я смекаю, шпион.

– Шпион? – дёрнулся Мишка. – Ну, ты и погибать, бабка Саня. Чего тут у нас шпионам делать? Да и какой разведки?

– Шпион, Мишка, шпион. Ты про пришельцев-то слыхал? – Бабка Саня перешла на шёпот. – Только я косить на пожни соберусь, так он тут же корзинку на руку повесит и за мной в лес. Там, всяко, у него рация. Вот он информачию передаст пришельцам, те хренакнут на нас водородну бомбу... Вот она и льёт и льёт... Эвон дождина опять какой хлещет. Так у нас всё сено и погниёт...

– Так ведь он и сам без сена сидит, – покачал Мишка головой, усомнившись в бабкином открытии.

– Так ему что! Ежели он у пришельцев на содержании. Видел, какие штаны ему из-за границы прислали? Все в медных заклёпках. Гаманитарная помощь, сказывал.

Тебе вон не пошлют, Мишка... И мне не пошлют.

– Не пошлют, – задумчиво согласился Мишка.

– То-то и оно.

...Дождь также неожиданно, как и начался, кончился. Промытый небесной водой мир, сиял на солнце мириадами живых алмазов.

Мишка с Санькой-Горошиной вылезли на волю и остановились, зачарованные.

– Ты, Мишка, куда это с топором направился? – Спросила деловито бабка Саня, вдыхая с наслаждением ароматы речной долины.

– Жерди фермеру рубить, – отвечал Мишка. – Да чего-то вот расхотелось. Может, завтра пойду, а может, и не пойду.

– Верно, Мишка, нечего на мироеда горбатиться.

Они ещё постояли немножко.

– Ну, пошли коли так домой, – скомандовала бабка.

Они вышли на дорогу. Хороша, однако, была эта парочка. Мишка – с топором высокий и тощий, и рядом крохотная бабка Саня в пиджаке до колен с вилами и граблями на плече.

– Чего, Мишка, молчишь? Запевай, давай!

– Нашла Киркорова, – недовольно буркнул Мишка. – Тебе охота, так пой.

Бабку Саню не надо было упрашивать. Она выровняла шаг и бодро затянула:

Дан приказ ему на Запад,

Ей в другую сторону.

Уходили добровольцы

На гражданскую войну...

...Речная долина парила. Ласточки, устроившие в береговой осыпи колонию, носились в лазурной вышине с весёлым гомоном, вылавливая в поднебесье насекомых, поднятых от земли восходящими потоками.

И в это время в стороне Медвежьего болота родилось среди ясного неба какое-то необыкновенное зеленоватое свечение, а вслед за этим до слуха наших героев долетел протяжный глухой гул, будто где-то там, на болоте грузили гигантские камни.

– Свят, свят,– испуганно перекрестилась бабка Саня. – Гли-ко ты, Мишка, чего над Медвежьим болотом деется! Не дай Бог, светопереставление! Придется помирать, не дождавшись пензии. А мне сулили сотенку набавить...

Мишка снисходительно остановил бабку Горошину.

– Молчи, знай, не каркай! Это опять какнебутную уразину в космос шарахнули. На каждой их чих не наздравствуешься.

– Верно, Мишенька, верно. Уж больно всё пугают планетянами-то.

– Инопланетянами, – поправил Мишка.

– Сказывали, что видели их будто бы в Харовском районе. Села этакая толи тарелка, толи блюдо. Будто бы вышли из неё длиннорукие мужики. Будто бы оне одну бабу словили, она сказывают из магазина шла, да будто бы робёночка ей ищо сделали. Дак топерь и бабу ту и робёночка в институт забрали, где учёные за ними приглядывают...

– Не боись, бабка Саня, всяко ни я и ты не нужны им. Ты старая, я безработный. Меня поймай, так меня кормить, поить надобно...

Бабка Саня успокоилась.

Когда-то здесь по реке были обширные монастырские огороды. От реки к искусственным озёрам были устроены перекопи, по которым рыба заходила весной в озёра на нерест. Отнерестившуюся рыбу монахи ловили у запоров в большом количестве и отвозили на ледники. Теперь нечищенные перекопи заросли. Огороды стали деревенскими сенокосами.

На заливных лугах поднималось медовое буйство трав, от запаха которых кружилась голова и радостно билось сердце. Долина гудела от пчёл и земляных шмелей, тяжело нагруженных сладкими взятками.

А над всем этим счастливым миром, промытом дождём, высоко в небе кружил ворон, похожий на маленький чёрный крестик. Ему, наверное, оттуда далеко и широко видна была наша грешная, измученная неустройством и небрежением и всё же прекрасная земля. С медоносными лугами, шатровыми борами, багрянными от клюквы и брусники болотами, звонкими харьюзовыми реками.

...Говорят, что вороны живут до трёхсот лет. Какие события проходили здесь под приглядом этой вешей чёрной птицы? Может быть, видела она со своей

высоты царя Петра, обедающего со свитой на речном берегу стерляжьей ухой, может, видела деревянные кочи русских мореходов, отправляющихся в рисковый путь по студёным морям к загадочным берегам страны Аляски. Или видела этапы раскулаченных крестьян, гонимых в тайгу в наспех сколоченные бараки.

– Кру-ук, – отмечает в поднебесье быстротечное время ворон. Внизу под крутым берегом перебирает замшелые камни река. Нет-нет, протаранит льдина весной береговую кручу и падут на дно, отбелятся рекой и песком то бивни мамонта или шерстистого носорога, то ещё чьи-то горемычные кости. А то выплеснет на берег волна диковинный камешек с дырочкой посередине – амулет древнего человека, некогда обитавшего в этих краях и в этих лесах, где нынче аукаются отпускники-грибники, на этих лугах, где ставят сенокос из последних сил последние деревенские старики.

Деревня Конец прилепилась на крутом обрывистом берегу, отбившись огородами от наступающего леса: несколько покосившихся барачков, наследие пролетарских пятидесятых годов, несколько крестьянских изб да новостройка по оврагу, вытянувшаяся в длину: дом без дверей и без окон с прирубом, омшаником и незавершённым двором.

Это строит будущую крестьянскую вольную жизнь военный пенсионер, бывший спортсмен, потомок раскулаченных крестьян «хермер» Василий Гусаков. А на другой стороне деревни строит свою вольную крестьянскую жизнь его родной брат тоже военный пенсионер и тоже бывший спортсмен Федор Гусаков. Но он строит дом не в длину, а в высоту и уже достроился до третьего этажа.

Строят они не спеша, со вкусом, и строят уже лет этак по пятнадцать. По поводу этого долгостроя бабка Саня-Горошина не раз говаривала: «Другие уж построились, нажились да и померли, а эти ещё и в домах не живали...».

Да и мать братьев Гусаковых бабка Нюра по прозванию «Пароход» высказывалась ещё круче: «У меня робята не пьют, не курят, а иное хуже, чем пьяные...»

Так, что пока «непьющим и некурящим робятам» приходится жить в полуразвалившемся бараке вместе с бабушкой Нюрой «Пароходом», прозванной во время войны так за большую команду ребятишек, которую она вынуждена была принять на свой борт...

Ещё проживает в том бараке Санька-Горошина, бывший сучкоруб, а ныне акционер акционерного общества «Викинг форест лимитет», Мишка Новосёлов, безработный, да Ванька Деянов, бывший лесник. И только Лёха Культиватор, последний деревенский тракторист, Толя Парашют да Андрей Кукуй живут отдельными крестьянскими домами на Том Угоре. Но про них рассказ отдельный.